

J. FRIEDRICH

ENTZIFFERUNG VERSCHOLLENER
SCHRIFTEN UND SPRACHEN

BERLIN · 1954

И. ФРИДРИХ

**ДЕШИФРОВКА
ЗАБЫТЫХ
ПИСЬМЕННОСТЕЙ
И ЯЗЫКОВ**

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО И ПРЕДИСЛОВИЕ
И. М. ДУНАЕВСКОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. М. ДБЯКОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1961

АННОТАЦИЯ

Настоящая книга принадлежит перу известного немецкого ученого Иоганнеса Фридриха, который внес немалый вклад в изучение древних языков и неизвестных письменностей. Она охватывает всю историю дешифровки древних языков, обобщает приемы работы дешифровщиков, объясняя причины их успехов и неудач. Автор сумел удачно совместить насыщенность фактическим материалом с лаконизмом и доступностью изложения. Книга интересна не только для специалистов-языковедов, но и для широких кругов читателей.

Редакция литературы по вопросам филологии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие советские читатели с интересом следят за работой археологов, открывающей нам жизнь минувших поколений. Дешифровка древних письменностей в этом отношении не менее важна.

Уже более полутора веков ученые занимаются дешифровкой забытых письменностей и языков древнего мира, в особенности Древнего Востока. В этой области делались и делаются открытия, которые волнуют не одних только филологов и историков. Сложный, кропотливый и увлекательный труд дешифровщика всегда привлекал внимание самых широких кругов читателей.

Существует немало книг, в том числе и научно-популярных, посвященных полностью или частично раскрытию той или иной письменности. Однако работы, которая охватывала бы всю историю дешифровки древних письменностей и языков, обобщала бы приемы работы дешифровщиков и объясняла закономерности их успехов и неудач, до сих пор не было. Книга Иоганнеса Фридриха представляет собой первый труд такого рода. Она написана выдающимся немецким исследователем, внесшим немалый вклад в изучение древних языков и неизвестных письменностей.

И. Фридрих уже давно уделяет внимание не только практике, но также истории и методике дешифровки. В рассматриваемой работе он задался целью осветить эти вопросы

в краткой и общедоступной форме. Автору вполне удался его замысел: небольшая по объему книга, несомненно, должна быть понятна и интересна самому широкому читателю.

Но и для специалистов она представляет значительную ценность. Не каждому филологу или историку удастся пристально следить за дешифровкой разнообразных письменностей и за интерпретацией выраженных ими языков, так как работы на эту тему публикуются в самых различных периодических изданиях. Здесь же все материалы собраны воедино, и не компилятором, а ученым, известным широкой осведомленностью и глубоким знанием ряда языков Древнего Востока, а также осторожностью и осмотрительностью в своих научных суждениях.

В нашей стране широкое развитие получила наука этногенеза, изучающая сложение и исторические судьбы племенных образований, народов и наций. Одним из источников для этногенетических исследований являются имена собственные племен, местностей и населенных пунктов, а также отдельных людей, языковая принадлежность этих имен, их распространение и историческая преемственность. Здесь исследователь чаще всего имеет дело с неизвестными, забытыми языками. Поскольку истолкование *этнонимических, топонимических и ономастических* материалов относится в известной мере к той же области исследований, о задачах которой говорит книга И. Фридриха, опубликование ее на русском языке представляется и в этом плане весьма полезным.

В книге И. Фридриха разбирается история раскрытия древних языков и письменностей стран Средиземноморья, Ближнего и отчасти Среднего Востока; малоисследованные письменности Дальнего Востока и Америки не затрагиваются.

Всего на каких-нибудь полтора-два страницах И. Фридриху удается не только в основном исчерпать свою обширную тему, но еще и проиллюстрировать ее языковыми примерами, рисунками, схемами и фотографиями письменных памятников.

В предисловии автор сразу овладевает вниманием читателя, вводя его в круг вопросов, о которых идет речь в книге, и вызывает живой интерес к открытиям, сделавшим забытые письменные памятники достоянием современной лингвистической и исторической науки.

Автор начинает с классических письменностей Древнего Востока — египетской иероглифики и клинописи. Вначале

он разъясняет систему каждой письменности, показывает пути ее развития и разные ее виды, приводит и разбирает иллюстративный материал (приемы графики и языковые примеры) и только затем переходит к описанию самого хода дешифровки и интерпретации. Это позволяет совместить насыщенность фактическим материалом с лаконизмом и доступностью изложения. Вопросы методики обсуждаются после описания дешифровки и интерпретации письменных памятников.

Все графическое разнообразие древних письменностей сводится к четырем основным группам.

1. Письменности, имеющие одновременно знаки для слов (идеограммы или гетерограммы) и слоговые знаки, а также использующие систему дополнительных знаков — детерминативов и фонетических комплементов *, например египетская и хеттская иероглифика, шумерская и аккадская клинопись. Клинопись и хеттская иероглифика различают слоги с разными гласными; египетская иероглифика гласных в слоге не отмечает.

* *Идеограмма* передает на письме целое слово или его корень при помощи рисунка, воспроизводящего выражаемый этим словом предмет или символически передающего выражаемое этим словом понятие;

например — в египетском   iw «приходить» представляет собой идеограмму.

Гетерограмма также выражает на письме целое слово, но не с помощью рисунка, а с помощью написания слова другого языка, выражающего то же понятие. Гетерограммы возникают при заимствовании системы письменности языком другой семьи, например при заимствовании китайской системы письменности для японского языка, шумерской системы письменности — для аккадского языка, аккадской системы письменности — для хеттского языка, арамейского письма — для ряда иранских языков; например, в (хетт. šiniš «бог»)

является аккадской гетерограммой, читающейся по-аккадски ilim «бога» (род. п.); это слово по-аккадски само состоит из шумерской гетерограммы dingir «бог» и аккадского слога lim, представляющего собой окончание слова; также в среднеперсидском слово ast «есть» пишется гетерограммой HWH, что по-арамейски значит «был»; слово pitar «отец» пишется 'BYtr; это написание содержит гетерограмму 'BY — арамейское «мой отец».

Идеограммы и гетерограммы могут, как это видно из приведенных примеров, иметь при себе для облегчения чтения *фонетические комплементы*, т. е. написанные фонетически (слоговыми или буквенными знаками) окончания скрытого под идеограммой слова.

Детерминатив — произносимый знак, обозначающий категорию понятий, к которой относится слово, сопровождаемое этим знаком.

2. Слоговые письменности, например чисто слоговая письменность древнего Кипра, а также хурритская и хаттская (протохеттская) клинопись, в которых идеограммы почти не встречаются, а детерминативы очень редки. Сюда же можно отнести, с небольшими оговорками, и древнеперсидскую клинопись (И. Фридрих рассматривает ее как буквенную письменность, что не вполне точно).

3. Письменности, имеющие только знаки для согласных, например угаритская клинопись, раннефиникийская и нумидийская письменность.

Очень существенно для дешифровки и для истории письма, что там, где письменность не различает гласных, слоговые знаки типа гласный + согласный или согласный + гласный могут исполнять роль знаков для одних согласных. Поэтому письменности, состоящие целиком из одногласных слоговых знаков, могут, при условии, что разные гласные графически не различаются, рассматриваться как переходные от слоговой системы к буквенной. Практически они рассматриваются как буквенные. Такова раннефиникийская письменность — предок большинства современных алфавитов мира.

4. Собственно буквенные или алфавитные письменности, т. е. письменности, имеющие знаки как для согласных, так и для гласных, например ликийский и лидийский алфавиты, близкие греческому, и т. д.

Придавая большое значение вопросам, касающимся метода дешифровки и интерпретации, И. Фридрих не только фиксирует на них внимание читателя в ходе изложения, но и посвящает им особый раздел.

И. Фридрих неоднократно настаивает на строгой дифференциации понятий «дешифровка» (Entzifferung) и «интерпретация» (Deutung). Он указывает, что выражение «дешифровка» следует сохранить лишь для восстановления понимания забытых письменностей, там же, где письменность ясна, а неизвестен язык, выражения «дешифровка» нужно избегать и говорить только об «интерпретации». И. Фридрих вводит, кроме того, выражение «раскрытие» (Erschließung), которым на стр. 111 он характеризует работу, охватывающую как дешифровку письменности, так и интерпретацию языка*.

* К сожалению, этот термин употребляется автором недостаточно последовательно: так, на стр. 122 термин «раскрытие» употреблен в заглавии параграфа, посвященного сидетскому языку, хотя здесь

Автор указывает на различие между дешифровщиком и интерпретатором по самому существу их подхода к материалу: «*Дешифровщик*, который смело шагает через сомнения и трудности, и *филолог*, который, осторожно взвешивая, обобщает результаты наблюдений, сводя их в общие правила, коренным образом отличаются друг от друга, и *их нельзя смешивать*». (Подчеркнуто автором.— И. Д.) Не случайно первые удачные дешифровки как египетской иероглифики, так и персидской клинописи отделены от серьезных успехов их интерпретации периодом чуть ли не свыше тридцати лет.

Интерпретация и дешифровка должны — на этом особенно настаивает И. Фридрих — осуществляться комбинаторно, т. е. посредством логических умозаключений, имеющих опору в самом письменном памятнике. Автор подчеркивает, что *«из ничего нельзя ничего дешифровать*. Если не за что ухватиться, если опора пока еще не найдена, значит, серьезных результатов достичь невозможно — остается лишь простор для беспочвенных фантазий дилетантов» (стр. 41 и 152).

Комбинаторный метод интерпретации основывается на наблюдениях над самим текстом, на сопоставлении повторяющихся комбинаций слов и грамматических форм в сочетании с соображениями реального порядка, связанными с назначением надписи, условиями ее составления и т. п. Этот метод противопоставляется этимологическому методу.

Этимологический метод интерпретации основан на стремлении добиться понимания неизвестного языка путем его сопоставления с языком известным. При этом опираются на звуковое сходство или звуковое совпадение слов сравниваемых языков. Такие сопоставления допустимы только в том случае, если есть основания предполагать близкое родство между неизвестным языком и тем языком, через посредство которого его пытаются интерпретировать, и лишь при наличии возможности проследить закономерные звуковые соответствия между сравниваемыми языками. Так, этимологическим методом успешно пользовались при интерпретации

идет речь исключительно о дешифровке. Пожалуй, термин «раскрытие» действительно целесообразно употреблять в тех случаях, когда речь идет одновременно и о дешифровке и об интерпретации, — тогда каждый вид работы над забытыми письменными памятниками будет обозначен особым термином: восстановление понимания письменности — дешифровка, восстановление понимания языка — интерпретация, восстановление понимания и письменности и языка — раскрытие.

древнеперсидского языка, который оказался близкородственным авестскому языку и санскриту, а также аккадского и угаритского языков, близкородственных древнееврейскому и арабскому. Однако применение этимологического метода для интерпретации хеттского, отдаленно родственного другим индоевропейским языкам, привело к многочисленным ошибкам и показало, что этот метод следует применять с очень большой осторожностью, постоянно проверяя полученные результаты путем комбинаторных наблюдений. В ряде случаев попытки воспользоваться этимологическим методом приводили к совершенно ошибочным результатам.

И. Фридрих указывает: «Нужно всячески остерегаться применения этимологического метода, так как всякий пользующийся им рискует уподобиться тому, кто вздумал бы интерпретировать незнакомое ему латинское слово *laus* «хвала» по немецкому *Laus* «вошь», или среднеамериканское слово языка майя *satz* «птица» — по немецкому *Katze* «кошка», или новогреческое слово *пá* «да» — по русскому «не». В известных пределах этимологический метод допустим *при близкородственных языках*, но и здесь он должен идти рука об руку с сопоставлениями реального порядка. Впрочем и в близкородственных языках звуковые аналогии порой имеют свои капризы: нидерландское *aandacht* не совпадает с немецким *Andacht* «благоговение», а значит «внимание»; английское *to become* не тождественно немецкому *bekommen* «получать», а значит «становиться». Интерпретатор неизвестного языка никогда не может позволить себе сказать: *«То, что в двух языках звучит одинаково или сходно, означает одно и то же»*. Всякое использованное созвучие он обязан по меньшей мере попытаться подкрепить реальными аргументами». (Подчеркнуто автором. — И. Д.)

Между тем злоупотребление этимологическим методом чрезвычайно распространено. Особенно грешат произвольными сопоставлениями многие исследования этрусского и некоторых других языков, а также ряд работ по топонимике и этногенезу.

И. Фридрих предупреждает, что и при дешифровке письменности строгое соблюдение комбинаторного метода не менее существенно, чем при интерпретации языка. Подобно тому как недопустимо безоговорочное отождествление одинаково или сходно звучащих слов разных языков, недопустимо и отождествление внешне сходных знаков разных

письменностей. Принципиальная ошибка некоторых опытов дешифровки крито-микенской и протоиндийской письменностей состояла как раз в пренебрежении методической стороной дела и в привлечении для чтения этих письменностей внешне сходных знаков из самых разнообразных графических систем — хеттской-иероглифической, южноарабской и др. Поэтому чтения отдельных знаков, а также имен богов и различных топонимических названий, установленные на основе чисто внешних графических сопоставлений, не выдерживают критики. То же самое следует сказать и об опирающихся на эти чтения более общих построениях, таких, например, как выводы о родстве древнейшего населения Индии с «иероглифическими хеттами».

Исследователю, занимающемуся неизвестными языками древности, записанными давно забытой письменностью, приходится нередко иметь дело как с проблемами дешифровки, так и с проблемами интерпретации самого языка.

Автор книги показывает, что следует дифференцировать три вида работы над памятниками забытых письменностей и языков, различающихся по задачам, которые возникают перед исследователями, и по степени трудности.

Первый вид — письменность известна, а язык неизвестен (например, неситский, или хеттский-клинописный язык, хаттский, или протохеттский язык, хурритский, древнеэламский, этрусский и другие языки): необходима интерпретация языка.

Второй вид — язык известен, а письменность неизвестна (например, греческий язык Кипра): необходима дешифровка письменности.

Третий вид — неизвестны как письменность, так и язык (например, египетская иероглифика, аккадская клинопись, хеттская иероглифика, угаритская алфавитная клинопись и фиксируемые ими языки): необходимо раскрытие того и другого.

Разумеется, последний случай — наиболее трудный. Именно со случаями подобного рода приходится иметь дело первооткрывателям древних языков и письменностей. И, конечно, И. Фридрих совершенно прав, когда говорит о том, что интерпретацию хеттского-клинописного языка нельзя ставить на одну доску с дешифровкой египетских иероглифов или клинописи. Он также указывает, что после дешифровки аккадской клинописи интерпретаторы написанных ею же других языков, и в частности хеттского-клинописного,

оказались в особенно выгодных условиях, так как большое количество известных из аккадского гетерограмм и детерминативов позволяет сразу выделить мужские и женские имена собственные, имена богов, племенные и топонимические названия, определенные группы понятий и т. д. Наличие идеограмм и гетерограмм, кроме того, дает возможность частично проникнуть в содержание текста, различить в ряде случаев окончания идеографически написанных имен существительных и глаголов и тем самым получить примерное предварительное представление о характере склонения и спряжения. Такого рода предпосылки представляют собой надежную опору для дальнейшего исследования.

Работа интерпретатора, имеющего дело с видами клинописи, лишенными или почти лишенными идеограмм и детерминативов, более трудна. Это касается в равной мере интерпретации языков, фиксированных чисто слоговой или алфавитной письменностью. Конечно, проникновение в хаттский язык (письменность его — аккадская клинопись, но без идеограмм и почти без детерминативов) или, например, в ликийский язык (алфавитное письмо, близкое греческому) шло бы гораздо успешнее, если бы могло опираться на идеограммы и детерминативы.

В свете различия задач, возникающих при работе над памятниками неизвестных письменностей и языков, И. Фридрих характеризует в своей книге те трудности, с которыми приходится сталкиваться в каждом конкретном случае интерпретации, дешифровки или раскрытия этих памятников. Соответственно он оценивает, а иногда заново переоценивает заслуги отдельных ученых в этой области.

Напоминая о том, что для раскрытия любой неизвестной письменности или неизвестного языка необходима какая-либо опорная точка в самом тексте, И. Фридрих указывает, что прежде, чем приступить к дешифровке, необходимо предварительно выяснить ряд основополагающих моментов: направление письма, наличие или отсутствие словоразделения, характер системы письменности и т. д.

Наличие двуязычных надписей (билингв) ставит дешифровку в наиболее выгодные условия. Так, например, греко-египетская надпись на Розеттском камне позволила Шампольону и его предшественникам отождествить некоторые египетские имена собственные с греческими, что послужило опорой для дальнейших комбинаторных исследований египетской иероглифики.

Дешифровка неизвестной письменности при отсутствии билингв очень трудна и в ряде случаев кажется невозможной. Неудача, постигшая ученых при дешифровке некоторых письменностей, вызвана отсутствием билингв или каких-либо других вспомогательных средств.

Однако возможность дешифровки письменности и при отсутствии двуязычных текстов доказана на опыте удавшейся дешифровки древнеперсидской клинописи и хеттских иероглифов.

Таким образом, как справедливо отмечает И. Фридрих, в принципе можно считать, что любая неизвестная письменность рано или поздно будет разгадана. Если же это до сих пор не удалось сделать, то лишь потому, что еще не найдена опора, необходимая для комбинаторных сопоставлений.

Такой оптимистический взгляд на перспективы дешифровки нашел свое подтверждение уже вскоре после написания книги И. Фридриха: Вентрис и Чэдвик, работая над крито-микенскими надписями без помощи билингв, достигли настолько значительных успехов, что крито-микенское линейное письмо *В* сейчас можно считать в основном прочитанным (язык текстов оказался греческим, и они в общем понятны).

Недостатком книги И. Фридриха, с точки зрения нашего читателя, является крайне беглое указание на те языки и письменности, которые были распространены у древних народов, населявших нынешнюю советскую территорию; некоторые из них вовсе не упомянуты. Советского читателя, естественно, интересуют также достижения ученых нашей страны в области дешифровки забытых письменностей и толкования вымерших языков; между тем и этот вопрос совсем не затронут автором.

Наука о древности развивается в наши дни настолько быстро, что за шесть лет, которые прошли со времени издания книги И. Фридриха в немецком оригинале, достигнут уже ряд новых существенных успехов, о которых нельзя не упомянуть. Это особенно касается дешифровки микенской письменности — достижения, которое смело можно поставить в один ряд с открытиями Шампольона и Гротенфенда.

Учтя это, редакция сочла нужным снабдить авторский текст примечаниями, а также дополнить его приложением, в котором дается очерк дешифровки крито-микенской письменности, рассказывается о письменности Кавказской

Албании и об интерпретации древних иранских языков, пользовавшихся гетерографической письменностью.

В заключение хотелось бы сказать, что, как справедливо отметил автор одной из рецензий, книга И. Фридриха представляет собой именно такую научно-популярную книгу, какую специалисты рады видеть в руках широкого читателя.

И. Дунаевская

ВВЕДЕНИЕ

В истории духовной жизни человечества поворот от семнадцатого века к девятнадцатому не менее значителен, чем поворот от пятнадцатого века к шестнадцатому, рассматриваемый в традиционной схеме как рубеж между средневековьем и новым временем. Около 1500 года великие географические открытия и Ренессанс дали новое направление человеческому познанию и мысли. Около 1800 года новые открытия в свою очередь вызвали переворот в естествознании и технике, а изменения техники — в средствах связи и общения между людьми, не говоря уже о начавшейся тогда же революции в области политических воззрений; все это позволяет считать начало девятнадцатого века переходом к новому времени. Параллельно с переворотом в естественнонаучном мышлении происходит такой же переворот в различных гуманитарных науках. Так, например, в результате деятельности Винкельмана и усиленного изучения оригинальных письменных источников предстала в совершенно новом освещении история античности, а установление индоевропейского языкового родства, изучение германской древности и систематическое исследование и группировка всех известных языков мира положили начало языкознанию в собственном смысле слова.

Примерно в то же время — здесь я подхожу к теме настоящей книги — человеческий разум начинает проникать в эпоху, предшествовавшую началу греческой истории;

человеку впервые удастся взглянуть на народы, задолго до греков творившие на Востоке историю человечества, ознакомиться с материальной и духовной культурой этих народов, а также с отражением их мышления в письменных памятниках, сохранившихся от того, казалось, доисторического времени до наших дней. Для человека восемнадцатого века, как и для человека раннехристианского средневековья, история все еще начиналась с Гомера и преданий Ветхого завета, а его знание древних языков ограничивалось в основном латынью, греческим и иногда древнееврейским. И хотя новое время имело какое-то внешнее представление о древности хотя бы по египетским памятникам, люди семнадцатого и восемнадцатого веков, дивившиеся, так же как греки и римляне, таинственным письмам, покрывавшим эти памятники, никогда не пытались прочесть это рисуночное письмо — постараться понять его содержание не приходило в голову ни древним, ни людям начала нового времени. Вышедшее из употребления египетское письмо было предано полному забвению, и только в наше время удалось восстановить понимание египетской иероглифики и ее языка, а также понимание клинописи, существовавшей параллельно с иероглификой. Клинопись представляла собой письменность целого ряда языков древней Передней Азии, но вышла из употребления еще раньше, чем иероглифика, и была совершенно забыта. Помимо египетских иероглифов и клинописи, раскрыт ряд других, прежде неизвестных письменностей и языков. Таким образом, ученые возвратили науке целый ряд языков, порой очень древних, и впервые сделали возможным историческое изучение письменности. Но еще более важно то, что это позволило отодвинуть линию исторического горизонта далеко в глубь веков. К двум с половиной тысячелетиям истории человечества, которые уже были доступны знанию, теперь прибавилось по крайней мере еще столько же. Перед нашим взором предстали не только политические события отдаленных эпох, но и материальная и духовная культура древних народов; мы познакомились с их жилищем, одеждой и образом жизни, с их религиозным, правовым и научным мышлением. Расширившиеся пространственные и временные перспективы позволяют нам с большим правом судить о развитии жизни и мышления человека.

Раскрытие древних письменностей и языков, осуществленное в течение девятнадцатого и двадцатого веков, отно-

сится к числу самых великих подвигов человеческого духа и лишь потому не привлекает такого же внимания, как огромные революционные достижения естествознания и техники, что не имеет столь большого значения для практической жизни.

По этой же причине опыт интерпретации исчезнувших языков и письменностей еще не обобщен и потому почти незнаком широкому кругу читателей. А между тем эта тема представляет несомненный интерес и бесспорно заслуживает специального изложения. Этому и посвящена настоящая книга. Обширный материал, который нужно осветить, я надеюсь сделать достаточно наглядным, расположив его следующим образом: я начну с рассмотрения важнейших, ставших в известной мере классическими, дешифровок письменностей Древнего Востока — египетских иероглифов, широко разветвленной системы клинописи, и оставшейся долгое время загадочной, но теперь уже доступной хеттской иероглифики. Далее, без претензии на полноту, должны последовать в более кратком изложении и относительно произвольном порядке некоторые другие, не лишённые интереса дешифровки, и лишь после этого я позволю себе привести определенные теоретические соображения, естественно вытекающие из изложенного опыта дешифровки забытых письменностей. Наконец, я приведу описание некоторых, пока недешифрованных письменностей, а также попытаюсь объяснить, почему они еще не дешифрованы.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Введение	15
I. Три великие дешифровки древневосточных письменностей	19
1. Египетские иероглифы	19
Страна и народ, история и культура	19
Характеристика египетской письменности	23
Дешифровка египетской письменности	34
Меропитская письменность и ее исследование	42
2. Клинопись	44
Страна и народ, история и культура Месопотамии	45
Система клинописи	49
Распространение клинописи на восток и на запад	59
Замечания по истории и культуре хурритов и хеттов	60
Буквенные системы письменности на основе клинописи	62
Дешифровка древнеперсидской клинописи	64
Дешифровка новоэламской клинописи	71
Дешифровка вавилонской клинописи	72
Интерпретация шумерского языка	79
Интерпретация хеттского языка и других древнейших языков Малой Азии	80
Интерпретация хурритского языка	89
Интерпретация урартского языка	91
Интерпретация древнеэламского языка	94
Дешифровка урартского языка	95
3. Хеттская иероглифическая письменность	98
Общие замечания	98
Характер иероглифической письменности и возможности ее дешифровки	101
Ход дешифровки	104
II. Другие дешифровки и интерпретации письменностей и языков древнего мира	111
1. Дальнейшие дешифровки неизвестных письменностей и языков	113
Раскрытие лидийского языка	113
Раскрытие лидийского языка	117
О раскрытии языка из Сиды	122
Дешифровка нумидийской письменности	124
2. Дальнейшие дешифровки неизвестных письменностей	129
Дешифровка кипрской письменности	129
К дешифровке протобиблской письменности	136
3. Дальнейшие интерпретации неизвестных языков	140
К интерпретации этрусского языка	140
К интерпретации других языков древней Италии	145
Об интерпретации фригийского	148
III. О методике раскрытия забытых письменностей и языков	152
IV. Некоторые образцы недешифрованных письменностей	158
1. Синайская письменность	158
2. Письменность «фестского диска»	160
3. Карийская письменность	162
4. Древнеиндская письменность	164
Приложение (И. М. Дьяконов)	169
1. Крито-микенская письменность	171
2. Письменность Кавказской Албании	184
3. Интерпретация иранских языков, пользовавшихся гетерографической письменностью	190
Возникновение иранской гетерографической письменности	190
Интерпретация гетерографических текстов	197